

МИФОЛОГЕМА В РОМАНЕ СИЛЬВИ ЖЕРМЕН «ДНИ ГНЕВА»

А. С. Рыдлевская

Белорусский государственный университет, г. Минск;

arydlevskaya@gmail.com;

науч. рук. – Е. А. Борисеева, канд. филол. наук, доц.

В работе рассматриваются особенности мифологемы Богоматери в романе-мифе «Дни гнева» С. Жермен, французской писательницы рубежа XX–XXI вв. Выявляется связь данной мифологемы с этической философией Э. Левинаса. В «Днях гнева» мифологема Богоматери рассматривается как центральный мифологический образ, который структурирует произведение на уровне поэтики и персонажей, а также определяет нравственную проблематику романа, становясь художественным воплощением категорий Другого и Лица по Э. Левинасу. Раскрываются основные формы проявления мифологемы Богоматери в тексте, представляющей собой синтез идеи католической Мадонны и языческого образа праматери, отражающейся в сознании героев романа.

Ключевые слова: мифологема Богоматери; роман-миф; Э. Левинас; Я и Другой; Категория Лица; язычество; мифологизм.

Центральное место в творчестве Сильви Жермен занимает жанровая форма романа-мифа. Для писательницы важны не только образ или сюжет, но сама сущность мифа и мифологического мировоззрения. Подход к мифу Сильви Жермен отличается тем, что ее персонажи с мифологизированным восприятием действительности – представители современной рациональной европейской культуры. Автор указывает на общечеловеческий мифологический фундамент мышления современных французов. Герои ее ранних романов – жители глухих деревень, существующие в мире, спроецированном их язычески-религиозным мировосприятием.

Роман «Дни гнева» («*Jours de colère*», 1989) – яркий пример романа-мифа Сильви Жермен, в котором миф воссоздается на всех уровнях текста и образует целостный универсум. Повествование разворачивается на несуществующем хуторе Лэ-о-Шэн («*Leu-aux-Chêne*»), где-то во Франции, далеко от цивилизации. Читателю также неизвестно время действия, нет привязки ни к какой исторической эпохе, и неслучайно начало романа напоминает сказку или притчу: «Никакая ограда не защищала хутор, он был открыт всем ветрам и грозам, снегам, дождям и страстям» [1, с. 4]. Отсутствие конкретных маркеров хронотопа создает ощущение закрытости и вневременности текста.

Повествование строится вокруг образа Богоматери. В этой универсальной мифологеме одновременно заключены аллюзии на множество мифологических и религиозных систем: прямая отсылка к Библии, а

также ассоциативная связь с древнейшими языческими представлениями о праматери. Главным объектом почитания семьи Эфраима является католическая Мадонна. Однако в мировосприятии этих персонажей, жителей глухого французского хутора, неразрывно соединены язычество и христианство. Сильви Жермен так описывает веру хуторян: «Вера их была такой же, как и жизнь: простой, незамысловатой, но твердой и суровой. <...> Возможно ли сохранить душу в чистоте, когда живешь, как эти хуторяне, в диком лесу, где деревьев, кустов и зверья больше, чем людей?» [1, с. 8]. Сознание героев проецируется на мир, в котором они существуют. Их поверья, приметы, синкретичное ощущение природы и религиозность объясняют окружающие предметы, связи и события: «Эдме вносила в свою веру неистощимую фантазию. Во всем, что ее окружало, она видела проявление благой воли Мадонны» [1, с. 7].

Отношение семьи Эфраима к Мадонне представляет собой синтез католической традиции с языческим мировосприятием. Так, многие ритуалы «почитания» Богородицы можно назвать языческими: «Это было их подношение Богоматери – они дарили ей не просто цветы и плоды, но и всю свою молодую силу, весь пыл сердца, всю мощь голосов, все буйство смеха» [1, с. 118]. Этот естественный природный синкретизм, отступление от канонов веры является чертой, отличающей семью Эфраима от остальных жителей хутора, которые считали семью богохульниками: «В толпе зашептались: дескать, христиане не ведут себя так, как Фраймовы сынки, ишь устроили шабаш языческий, издеваются над добрыми людьми» [1, с. 119]. Но именно их вера преподносится как истинная, природная, естественная.

Знакомство с семьей в тексте начинается с Эдме, матери Рен, тещи Эфраима, весь смысл жизни которой связан с Мадонной. Ее вера проецируется на жизнь и формирует особое мировоззрение. В самом начале романа ее благоговение перед Марией описывается как одна из форм безумия, которая настигает стариков, трансформируя их личность: «Ну а к Эдме Версле безумие подкралось мелкими шажками... В благоговении перед Марией собственная жизнь и жизнь близких виделась Эдме как непрерывное чудо, явленное Пречистой» [1, с. 7]. После долгих лет неудачных попыток забеременеть в сорок лет у Эдме рождается дочь Рэн, которую она без тени сомнения считает подарком самой Марии, лично ответившей на ее бесчисленные «Ave». Проходит время, дочь Эдме растет и набирает аномальный вес, который соседи считают уродством и впоследствии дают ей прозвище Толстуха Реннет. Однако сама Эдме воспринимает это очередным благословением Мадонны: «Невероятная тучность дочери казалась ей не аномалией, а следствием все того же благословения Пресвятой Богородицы» [1, с. 8].

Когда единственный претендент на руку и сердце ее дочери – Эфраим просит разрешения жениться на Рен, Эдме соглашается выдать Рен замуж лишь после того, как убеждается, что он также послан Мадонной. На вторую встречу с родителями возлюбленной жених приходит с рассеченным напополам лицом. Эфраим посмел ослушаться воли отца и полюбить Рен, за что последний лишил сына наследства, отказал в родстве и рассек ему ремнем лицо. Эта отметина в сознании Эдме представляется знаком Богородицы. Прокаженный, лишенный всего, проклятый отцом сын, в глазах матери Рен возвышается над всеми и становится достойным руки ее дочери. С таким же трепетом впоследствии она относится к своему девятому внуку, родившемуся с заячьей губой.

Именно в этих моментах ярче всего выражена нравственная проблематика романа Сильви Жермен, которая определяется тесной связью христианской морали с философскими идеями Э. Левинаса (этическая категория «Я и Другой»). Мифологическая составляющая добавляет философским концепциям и категориям дополнительное метафизическое измерение, находящее выражение в библейских образах. Мифологема Богоматери в романе напрямую связана с категориями Другого и Лица по Левинасу. В своем творчестве С. Жермен обращается к категории Лица, отталкиваясь от работ философа. По Э. Левинасу, Другой презентует себя миру через Лицо, являющееся способом бытия Другого, благодаря которому он демонстрирует свою инаковость. Согласно французскому философу, Лицо – это конфронтация Я с Другим, необходимая для выхода Я за рамки себя в этическое измерение. Однако у Сильви Жермен Лицо выступает, скорее, как условие, позволяющее увидеть Другого. По Левинасу, Другой представляется в качестве иного и существует «в измерении высоты и унижения... он имеет облик бедняка, чужестранца, вдовы, сироты, но одновременно и лик господина, призванного жаловать мне свободу и подтверждать ее» [2, с. 21]. Так, в романе «Дни гнева» Эдме воплощает концепт идеального Я по Э. Левинасу, ведь именно она, благодаря своему особому мировосприятию, подчиненному Мадонне, способна увидеть Лицо Другого, осознать ответственность за него и испытать сострадание. По этой причине в рассеченном лице Эфраима, в аномальном весе своей дочери и заячьей губе внука она увидела не уродство и проклятие (как остальные хуторяне), а благодать и величие: «Но, когда увидела его вечером, с распухшим, рассеченным лицом, сразу все решила. Удар, которым Мопертюи-старший наградил своего сына, прокляв и вдобавок обездолив его, стал для нее священным знаменем, делавшим наконец Эфраима достойным ее дочери» [1, с. 30]. По Э. Левинасу, Другой – тот, кому необходимо сострадание Я, при этом сострадание Я – это подарок Другого. Мадонна – во-

площение сострадания в христианстве: когда люди не могли идти за прощением к Иисусу, они шли к ней. Так, ответственность перед Другим и сострадание к Другому соответствуют христианскому образу-символу Богородицы.

Мифологема Богоматери в тексте имеет символическое выражение главным образом через семью Эфраима. У Рен и Эфраима родились девять сыновей, все они появились на свет в один день – 15 августа с разницей в год (в католической традиции 15 августа – день успения Пресвятой Богородицы). Самый напряженный момент романа происходит именно 15 августа, когда на празднике Богородицы вновь встречаются лицом к лицу Эфраим и его Отец Амбруз. Очевидно, числа 9 и 15 в данном романе наделены важным символическим измерением. Девять – символ завершенности, последнее в порядке натуральных чисел в Библии, тройное повторение святой Троицы. Каждый из 9 сыновей родился в определенное время суток: три сына утренних, три сына дневных и три сына вечерних: «Старший родился на заре, пятый в полдень, а последний – ночью. Тоже 15 августа. Девять сыновей Толстухи Ренет и Эфраима отмечали часы Богородицыного дня, как деления на циферблате. Среди них были дети утра, дети Дня и дети Вечера» [1, с. 61].

Специфика рождения сыновей Рен повторяет языческую структуру образа Богини Матери: утренняя Дева, дневная Мать, вечерняя Старуха. Обусловленный астрономическим фактором – тремя фазами женского небесного тела, Луны (молодой месяц, полнолуние и убывающая Луна), данный образ соответствует основным ипостасям женщины в языческом и традиционном обществе. Девятый (последний сын) родился ровно в полночь с дефектом – заячьей губой и воспринимался одновременно, как прокаженный (окружающими) и как благословенный (семьей). Принимая во внимание символическое измерение числа 9, сыновья Рен – своеобразный символ завершенного цикла бытия. Этот же символ завершенного цикла бытия можно обнаружить в полном имени Рен, состоящем из 9 слов (*Reine, Honorée, Gloria, Aimée, Victoire, Grâce, Desirée, Béate, Marie*). Именно Мари завершает цепочку имен.

Мифологема Богоматери ярко проявляется в тексте через символику цвета. В «Днях гнева» основной цвет – это синий и его оттенки (в христианстве голубой цвет – символический цвет Мадонны). Голубой встречается во всех ключевых моментах сюжета. При описании последних секунд перед жизнью: «Он увидел на ладони мерцающую прозрачную голубизной каплю. Синие глаза Рен одарили его последней лаской, последней слезой перед тем, как погаснуть» [1, с. 269]. Перед самоубийством Марсо виднелся «нежно-голубой мерцающий свет» [1, с. 181]. На «вознесение святой Марии» Толстуха Ренет шла: «в развевающейся по

ветру голубой, как покрывало Мадонны, шали» [1, с. 92]. Голубой цвет становится маркером отличительности веры Эдме и ее семьи: «Но Эдме Версле верила не так, как ее соседи, и даже не так, как жители деревни. Вера ее была несравненно более живой, яркой и самозабвенной. Голубой. Такой же лазурно-голубой, как покрывало деревянной Богоматери» [1, с. 7].

Так, в романе «Дни гнева» мифологема Богоматери является символическим выражением религиозно-языческого мировосприятия героев и представлена синтезом идеи католической Мадонны и языческого образа праматери. Мифологема Богоматери, будучи центральным мифологическим образом, структурирует произведение и ярче всего проявляется на уровне персонажей и поэтики. Помимо этого, мифологема Богоматери определяет нравственную проблематику романа, становясь образным воплощением этической философии Э. Левинаса, его категорий Я и Другой, Лицо и сострадание.

Библиографические ссылки

1. *Жермен С. Дни Гнева* / пер. с франц. Н. С. Мавлевич. СПб., 2000.
2. *Левинас Э. Избранное; Тотальность и бесконечное*. СПб., 2000.